

УДАЧНОЕ СВИДАНИЕ

от авторов
Алгоритмического сопротивления

18+

Мария Громкова
Удачное свидание

«Автор»

2026

Громкова М.

Удачное свидание / М. Громкова — «Автор», 2026

Приветствуем Вас, наш читатель! Темой для нового сборника стало свидание, притом, удачное свидание. Как известно, удачным его делает финал. Принесет ли он покой, или подскажет верный путь, или станет началом чего-то нового? Нам очень понравилось размышлять на эту тему!

© Громкова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Импера Трайс. Надежда на чебуречную	5
Элен Корш. Призрачное свидание	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Мария Громкова

Удачное свидание

Импера Трайс. Надежда на чебуречную

Мне сорок семь, а я волнуюсь, как в десятом классе, когда впервые поцеловал одноклассницу в обоссанном подъезде. Теперь всё иначе – дорогой ресторан, пошитый на заказ костюм, устрицы с икрой и роскошная женщина напротив. Надежда – моя ровесница, но стать у неё, будто у примадонны оперного балета. Аккуратная, изящная, интеллигентная в каждом движении пальцев и взмахе ресниц. Уже два часа, как я втянул своё пузо и не ослаблял хватку, даже за столом. Сложно ли? Да, но желание произвести на Надежду впечатление уверенно побеждает. Настолько, что я даже глотаю треклятых устриц вместе с ней. Надя делает это эффектно, не проронив ни капли жуткого бульона, в котором плавает неаппетитная серая тушка, походившая на чью-то злокачественную опухоль. Я стараюсь выглядеть столь же элегантно, будто ем этих тварей совсем не в первый раз. Но на всякий случай глотаю не жуя. И не дыша. Боюсь, что вкусовые качества одной из склизких гадин внезапно раскроются, и это будет выше моих сил. А отхаркивать перед Надеждой по образу и подобию своего кота, который опять нажрался целлофана, ох как не хочется. Уговариваю свой мозг представить, что у меня во рту шашлык. А ссанина в ракушке, где лежит импровизированный шашлык – это коньяк. Мозг протестует конечно, но он тоже согласен с тем, что этим вечером нам обоим необходимо держаться перед спутницей крайне статусно.

Наконец гастрономическая пытка подошла к концу. Капелька пота медленно стекает за воротник, пока Надежда рассказывает о премьерах в её любимом театре. Я киваю и поддакиваю, пытаюсь запомнить названия спектаклей, чтобы вовремя презентовать билеты. Получается, откровенно, хреново. Вкус гнилой тины во рту не перебивается белым чаем, собранным с левого подножия правого склона острова Цейлон. Начинает подташнивать, но я пытаюсь не думать об этом и шире улыбаться. Уверен, этот вымученный оскал выглядит, будто я только что откинулся из психдиспансера. Потому что Надежда явно что-то улавливает – её взгляд уже не такой тёплый, речи тише, а паузы между предложениями длиннее. Заметив это, я начинаю ещё активнее поддакивать и скалиться, попутно стараясь подавить несколько залпов отрыжки. Кажется, сделал только хуже. Надя спрашивает, всё ли со мной нормально и этот вопрос, словно чека, выдернутая из гранаты. Острый спазм, будто мои кишки накручивает на вертел сам Сатана, пронзает живот. Да не просто, а под аккомпанемент хора этих самых кишок, которые не знают, куда девать жуткую начинку, которой я их набил. Кажется, этот звук услышали мы оба – я замираю, Надежда молчит. Следующий спазм принуждает ослабить хватку. Пузо, которое я весь вечер героически прятал, с победным треском вываливается на волю, едва не разорвав рубашку.

Надя точно что-то поняла, потому что просит меня закрыть счёт и отвезти её домой. И при других обстоятельствах я бы расстроился, но сейчас понимаю, что это – моё спасение от позора. Расплачиваюсь картой, не глядя на счёт и стараясь не потерять сознание – внутри уже не просто спазмы. Там разворачивается настоящая Сталинградская битва – кишечник яростно выдавливает устриц с линии фронта. Я не помню, как мы дошли до машины, не помню, открыл ли спутнице дверь, или она села сама. Единственное, что маячило на поверхности сознания – нужно продержаться двадцать километров до загородного посёлка, где живёт Надежда. Доставить её домой в целостности и сохранности, и удержать вражескую армию, стремящуюся десантироваться из моего организма.

Первая половина пути прошла в гробовом безмолвии. Единственной извилиной, уцелевшей под натиском физиологии, я всё ещё волновался, что испортил впечатление о себе. Не зря же Наденька молчит. И как только очередная атака перестала обжигать мой задний проход изнутри, дав секундную передышку, я попытался снова развязать расслабленную беседу. «Расслабленную» – тот ещё синоним, конечно. Я спросил, в каких числах ближайший интересующий её спектакль. Надежда почему-то не ответила. Новая лавина холодного, липкого пота, прокатилась от макушки до пят. И я уже не понимал, что её вызвало – молчание спутницы или очередная артиллерийская атака в животе. Несмело поинтересовался, всё ли хорошо. В салоне повисла зловещая тишина, прежде чем её разрежала фраза, произнесённая вымученно-тонким голоском: «Константин, умоляю, остановите машину. Мне нужно выйти.»

Сначала я краткосрочно потерял сознание от очередного приступа, испытывающего мою запирательную функцию. Потом – от осознания любовного фиаско, которое привело к тому, что Надя хочет расстаться со мной прямо здесь, посреди ночной лесополосы. И пока я тихо скорбел, следующая фраза прозвучала громче и яростнее: «Константин, те устрицы... Еще пара секунд, и я не гарантирую, что ваш салон останется чистым!».

Собственная хворь отступила, как по взмаху волшебной палочки. Я остановил машину и буквально выкатился из неё, воспылав самым благородным за всю свою жизнь рыцарством. Дама моего сердца оказалась в беде, и я обязан спасти её! Зачем-то лихорадочно оббежав машину по кругу, я бросился к багажнику и достал из него синее хозяйственное ведро. Надежда, цепляясь за кузов, почти ползла навстречу. «Можете залезть в багажник, я закрою вас» – бессвязное бормотание сорвалось с губ, пока я наблюдал, как бледнеет её точёное личико. Мой собственный мятежный кишечник, мой персональный Сталинград, чудесным образом капитулировал. Отступил перед лицом чужой, и наверное более страшной катастрофы. Я сунул Надежде ведро – она вцепилась в него, как утопающий за спасательный круг. Но вдруг будто замешкалась – то ли осознавала прозрачность ситуации, то ли соображала, куда присесть. И здесь я понял – рыцарство требует жертв.

Я снял свой пиджак, сшитый на заказ, стоивший, как крыло от боинга, и молча расстелил его на пожухлой траве у обочины. Поставил рядом синее ведро. Затем, отвернувшись, просто добавил: «Я посторожу. Здесь никого нет. Всё будет хорошо». И когда я стоял чуть поодаль, вдыхая прохладный ночной воздух и слушая, как рушится образ идеальной Надежды, я вдруг понял, что влюбился. Не в грацию примадонны, не в тягу к искусству, не в манеры и интеллигентность. А в живую, земную женщину, которая прямо сейчас на обочине, сквозь зубы тихо и отчаянно матерится. Звуки, доносившиеся из-за моего автомобиля, напоминали работу пулемёта. Когда всё стихло, воцарилась почти осязаемая тишина. Я повернулся. Надя сидела на краю багажника, сжимая в руке злосчастное ведро, как улику. Прическа её слегка растрепалась, но осанка оставалась королевской.

Её шепот был ледяным, а в уголках губ мне почудилась предательская дрожь. Она пыталась сказать, что если я хоть одной живой душе расскажу, что Надежда Павловна Верейская использовала моё ведро не по назначению...

«То меня найдут в этом самом ведре, расфасованным по пакетам», – закончил я за неё.

Мы синхронно рассмеялись, и смех этот был совсем не светским, наоборот – словно две обезумевшие гиены, мы ржали, захлёбывались, хрипели и всхлипывали. Над дорогим рестораном, над устрицами, над моим пузом, над синим ведром, над всем напускным и вычурным, что погибло этой ночью на трассе. Второй приступ истерики накрыл, когда вернулись в машину и продолжили путь. Буквально через минуту свет фар выхватил указатель: «АЗС 500 метров». Мы с Надеей уже не просто ржали, а рыдали с подвываниями. Когда я довёз свою спутницу до дома, она призналась, что в эту ночь рассмотрела во мне очень надёжного мужчину. И пригласила на следующее свидание – в привокзальную чебуречную.

Элен Корш. Призрачное свидание

Лили сидела на коленях, на полу, перед открытым шкафом, доставая большую коробку из-под зимних сапог, с надписью «личный архив». Коробка оказалась довольно тяжелой и Лили невольно вздохнула. Интересно, отчего она такая тяжелая, да и пыли за столько лет, на ней скопилось немало! Наспех смахнув серый слой пыли, она громко чихнула и, закрыв шкаф, отнесла коробку на кровать.

Интересно, зачем дочери понадобились ее фотографии в пятнадцать лет? Несколько дней она без устали гадала об этом, и Лили наконец-то сдалась, откапав злосчастную коробку в шкафу. Почему злосчастную? Все очень просто! Когда-то, она убрала туда все, что причиняло ей боль. Все, что хоть как-то напоминало ей о том времени, наглухо замотав скотчем и спрятав в самый темный угол. И вот теперь, пятнадцать лет спустя, она с волнением и страхом смотрела на серую коробку.

Проведя по старому скотчу канцелярским ножом, она прерывисто вздохнула и дрожащими руками коснулась крышки. Лили открывала ее медленно, чувствуя, как сердце начинает биться сильнее, словно это не коробка с воспоминаниями, а ее собственный ящик Пандоры.

Наверху лежали пожелтевшие письма, одной большой стопкой, перевязанные старым шнурком. Лили быстро отложила их в сторону, даже не взглянув. Старый сотовый телефон, тамагочи, открытки, брелоки, билеты на концерты, пока, все это выглядело не очень страшно, а даже наоборот. На лице появилось подобие улыбки, и она более спокойно начала разбирать коробку. Вот ее полосатые гетры, шнурки от первых Гриндерсов, локон волос в спичечном коробке. Она с удивлением покрутила его в руках, смутно припоминая, когда и зачем это было нужно. Ключи от мотоцикла, на котором она разбилась, и еще много чего.

Постепенно, перебирая все эти вещи, внутри нее зародилось тепло, а от бывшего страха не осталось и следа. Улыбка стала более уверенной, а руки, уже без дрожи, достали старый фотоальбом, который как раз и был нужен.

Посмотрев на обложку со смешными котятами, она провела по ней рукой, чувствуя ностальгию и решительно его открыла. На первом же снимке, она увидела себя. Здесь, ей четырнадцать лет, она на первом своем рок концерте, в черной футболке, большой ей на несколько размеров, а на груди, красовалась надпись «Ария».

С ухмылкой она пролистывала снимки, с шелестом переворачивая страницы, глядя на улыбающиеся лица друзей. Вот они всей толпой мокрые в фонтане, а здесь они собирают клубнику у кого-то на даче. А вот ее день рождения и грустный взгляд, потому что мама не отпустила к друзьям. Она перевернула очередную страницу и замерла, почувствовав резкий прилив жара. Руки предательски задрожали, а в глазах начали собираться слезы.

Прошло столько лет, почему она так реагирует? Дрожащей рукой она коснулась снимка. Провела пальцами по его лицу, длинным волосам, чувствуя, как внутри все сжимается от боли. Нет, ей это не надо! Резко закрыв альбом, она откинула его в сторону, как ядовитую змею и упав лицом на подушку, расплакалась. Мягкая, декоративная подушка в виде медвежонка скрадывала стоны боли и громкие всхлипы, чтобы никто не услышал ее слабости. Постепенно, всхлипы становились реже и вскоре совсем стихли. Какое-то время, она просто лежала, глядя в одну точку, пока уставшие от слез глаза не начали смыкаться...

Это был странный сон, теплый, реалистичный. В нем было много света. Весна, центральный парк, на деревьях совсем молодая листва, еще полупрозрачная, ароматная, не запыленная шумным городом. Она еще совсем юная, в белом платье, в босоножках с замысловатым плетением на щиколотках. На запястье браслет из голубого бисера, который ей подарила подруга. Воздух пах сосновой смолкой, а над головой щебетали птицы. Как же здесь было хорошо, уютно, спокойно. А потом, по спине пробежали холодные мурашки. Стоп! Это же...

Она с ужасом обернулась на цокающий звук и увидела нарядного пони, катающего детей. Нет, только не это! Зачем она послушала дочь, зачем достала ту коробку? Лили стояла на главной площади парка, прерывисто дыша, чувствуя, как горячие слезы стекают по ее щекам. Все точно та же, как было тогда, много лет назад. Те же звуки, тот же смех детей. Только его уже нет, нет того, кто пригласил ее на это свидание.

Не смотря на всю боль, которая сейчас разрывала ее изнутри, она очень хотела его увидеть, взять за руку, посмотреть в эти смеющиеся глаза... И вдруг, кто-то коснулся ее плеча. Резко обернувшись, она замерла, не веря в происходящее. Это был он! На нем та же белая рубашка с тремя расстегнутыми пуговица на верху, тонкие бежевые брюки. Теперь, все действительно точно так же, как на их первом свидании.

Он улыбнулся ее любимой улыбкой и взял за руку. Вроде бы сон, но она отчетливо почувствовала тепло его руки, такой родной, слегка шершавой, с гладким шрамом через всю ладонь. Странно, но от этого, ей стало легче. Слезы просохли, а в голове закрутился ураган мыслей. Она столько хотела сказать! Ведь, он даже не знает, что у него есть дочь! Но не успела она об этом подумать, как он ухмыльнулся и коротко кивнул. Знает! Облегченно выдохнула Лили.

Набрав полную грудь воздуха, она уже открыла рот, чтобы рассказать, как они похожи! Что у нее, такие же длинные волосы, как и у него, практически достающие до пояса, цвета спелой пшеницы. Что она улыбается, как он, что так же хорошо рисует, играет на гитаре, на его гитаре! Что у нее такие же жесты рук, мимика, ужимки. Только цвет глаз другой, не его и не ее, словно краски перемешались, подарив ей зеленый оттенок. Но он отрицательно покачал головой, прислонив к ее губам указательный палец, а затем, перевел свой взгляд на старые часы, что висели на столбе. У них было мало времени и она понимающе кивнула, жадно глядя в его глаза.

С минуту они просто смотрели друг на друга, как будто пытаясь запомнить, как будто прощаясь. А затем, он нежно обнял ее, так, как умел только он. Словно закрывая от всех бед и несчастья этого мира. Она вдохнула аромат его парфюма, уткнувшись лбом в его грудь и почувствовала давно забытое тепло. Сейчас, она снова была маленькой девочкой в его крепких и надежных руках.

Часы на столбе начали бить, отсчитывая установленное кем-то время, и он резко отстранился, взяв ее за плечи. Он больше не улыбался, лишь пронзительно смотрел в ее глаза. Этот взгляд она хорошо помнила, так он смотрел на нее, когда она провожала его в последний раз, когда он обещал вернуться через месяц, но уже не смог сдержать обещания. Больше она его не видела.

Часы начинали бить все громче и громче, откровенно раздражая. Он убрал свои руки и коротко кивнув, развернулся и ушел. Лили смотрела ему в след, чувствуя некое странное облегчение, а глаза начинало пощипывать от слез. Вот и подошло к концу их свидание. «Олег», мысленно произнесла она, смахнув с лица сорвавшиеся слезы. Она хотела сорваться с места и побежать за ним, остановить, вернуть, но понимала, что это невозможно. И все же, это было их самое лучшее свидание! Часы ударили в последний раз, и она открыла глаза.

За окном уже было темно. Встав с кровати, она подошла к стене, где валялся фотоальбом и подняв его, снова посмотрела в его смеющиеся глаза. Слез больше не было, лишь тепло, заполняющее ее душу. Такое нежное, тоскливое, терзающее, но все же, тепло. Тяжело вздохнув, Лили вытащила из альбома две фотографии и пошла в комнату дочери.

Кира сидела за компьютером, управляя эльфом в любимой игре. «Боже, ка же они похожи!» - проскочила мысль в голове Лили, и она осторожно коснулась плеча девочки, привлекая ее внимание. Кира сняла большие наушники и отложив их в сторону, внимательно посмотрела на мать, которая протянула ей свою фотографию в пятнадцать лет. А затем, вручила ей другой снимок.

Там сидел молодой парень, тогда, ему было двадцать пять. Его длинные, прямые волосы аккуратно лежали на плечах, а голубые глаза светились счастьем. Он исполнил свою мечту, поступил на хорошую ординатуру, переехал жить в Питер. В тот вечер, все за него были рады, отмечая успех друга, но никто еще не знал, что через каких-то четыре года, его не станет. Он едва успеет закончить учебу, устроится на хорошую работу, подаст заявление в ЗАГС с любимой девушкой, и так и не узнает, что у него родится дочь, как две капли воды похожая на него.

Кира нахмурила брови, рассматривая красивого парня, узнав в нем себя и вопросительно посмотрела на мать. Лили так давно хотела обо всем рассказать, но вот, время пришло. Перевернув снимок, она показала дочери надпись, которую сделала много лет назад, там было всего три слова: «Это твой отец».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.